

ВОЗДЕЙСТВИЕ КОНФУЦИАНСТВА НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ИМПЕРИИ МИН

Жэнь Сюэ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, 2533206821@qq.com*

В статье рассматриваются особенности и результаты воздействия конфуцианства на внешнюю политику империи Мин, которая правила в Китае в 1368—1644 гг. Цель статьи — оценка сущности и особенностей осуществления китайской внешней политики после освобождения Китая от власти монголов и возвращения к прежним конфуцианским традициям государственного управления. Новизна статьи заключается в выявлении сущности и особенностей внешней политики Китая во время правления династии Мин с использованием традиционных китайских идеологем. Практическая значимость исследования заключается в том, что оно позволяет выявить особенности определения приоритетов внешней политики Китая с учетом его традиционных идеологических и политических установок и оценить результативность воздействия этих установок на внешнеполитическую активность империи Мин.

Ключевые слова: Китай; династия Мин; конфуцианство; внешняя политика; даннические отношения; дипломатический церемониал.

THE IMPACT OF CONFUCIANISM ON THE FOREIGN POLICY OF THE MING EMPIRE

Ren Xue

*Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, 2533206821@qq.com*

The article examines the features and main results of the impact of Confucianism on the foreign policy of the Ming Empire, which ruled in China in 1368—1644. The purpose of the article is to assess the essence and features of the implementation of Chinese foreign policy after the liberation of China from Mongol rule and the return to the former Confucian traditions of public administration. The novelty of the article lies in identifying the essence and features of China's foreign policy during the Ming Dynasty using traditional Chinese ideologies. The practical significance of the study lies in the fact that it allows us to identify the peculiarities of determining the priorities of China's foreign policy, taking into account its traditional ideological and political attitudes, and to assess the effectiveness of the impact of these attitudes on the foreign policy activity of the Ming Empire.

Keywords: China; Ming Dynasty; Confucianism; foreign policy; tributary relations; diplomatic ceremonial.

После свержения династии Юань группой китайских феодалов во главе с Чжу Юаньчжаном в 1368 г. в Китае установилась власть новой династии, правившей под названием Мин и с 1417 г. обосновавшейся в Бэйцзине (Пекине). Новые правители Китая придерживались традиционных идейных установок, поддержав использование конфуцианских

канонов в управлении государством. В значительной мере их политика была направлена на поддержание и восстановление старых порядков, которые существовали в Китае на протяжении многих столетий. После прихода к власти они открыли конфуцианский университет в Нанкине, а затем и конфуцианские школы во всех административных центрах империи [1, с. 359]. В 1382 г. была восстановлена система государственных экзаменов при назначении на государственные должности [1, с. 360].

Конфуцианство оказывало воздействие не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику династии Мин. Ее представители, как и их предшественники, отделяли китайцев (ханьцев) от «варваров» и рассматривали иностранцев в качестве подданных и вассалов. Основатель династии император Чжу Юаньчжан говорил: «Всегда было делом Китая занимать внутренние земли и руководить варварами, и варвары находились за границей и подчинялись Китаю. Не было такого, чтобы варвары занимали Китай и управляли империей. Во времен заката империи Сун северные варвары, придя и поселившись в Китае, создали империю Юань... Небо повелело, чтобы мы, китайцы, усмирили их... Моя цель — изгнать монгольских рабов, покончить с анархией и убедить людей, что им нечего опасаться, очистить Китай от позора» [2, с. 231].

В конце XIV в. правители династии Мин усилили контроль за внешней торговлей и ограничили связи китайцев с иностранцами. Они продолжили строить Великую китайскую стену, рассматривая ее в качестве своеобразной демаркационной линии между Китаем и «северными варварами».

После стабилизации политической системы в Китае политика династии Мин по отношению к иностранцам смягчилась. Император Чжу Юаньчжан говорил: «Я считаю, что, поскольку страны южных и восточных иноземцев малы и лежат в отдалении, за горами и морями, они не представляют опасности для Китая» [3]. Он стремился поддерживать дружественные отношения с соседями, руководствуясь принципом «гармонии», который лежал в основе конфуцианской идеологии [3]. В указе, опубликованном после изъявления покорности императору монгольскими князьями в 1389 г., говорилось: «Мы очень довольны, что вы явились к нам в согласии с мандатом Неба. Нашей постоянной политикой было относиться великодушно к тем чиновникам и подданным павшей династии, которые добровольно покорились нам... отныне вы можете поселиться в ваших племенах и вести мирную кочевую жизнь... Мы позволяем вам сохранять свои коренные обычаи, как отвечающие вашим внутренним наклонностям. Посему пребывайте в мире!» [4, с. 131].

Правители династии Мин стремились воздействовать на «варваров» с помощью «отношений доброты» и демонстрации мощи империи. Соответственно, они предпочитали решать возникающие проблемы не военными, а дипломатическими средствами. К примеру, третий император династии Мин Чжу Ди, правивший в 1402—1424 гг., при отправке экспедиции в Нургань объяснял свое решение следующим образом: «Не потому, что мы хотим захватить берега Амура, а потому что мы хотим защитить»

ся от будущей угрозы, так как рассеянные в этих регионах люди некогда беспокоили нашу границу и представляли великую угрозу... Мы должны завоевать их преданность путем наших назначений и милостей. Нужно отдавать малое, чтобы уберечь от больших неприятностей» [1, с. 520].

Большое значение придавалось внешнеполитическим демонстрациям. Одной из форм таких демонстраций стала отправка семи морских экспедиций за рубеж, в район Тихого и Индийского океанов (экспедициями руководил известный китайский флотоводец и путешественник Чжэн Хэ). Экспедиции осуществлялись в 1405—1433 гг. Их главной целью являлось повышение международного престижа империи, а не извлечение экономической выгоды. По словам Председателя КНР Си Цзиньпина, Чжэн Хэ, не заняв ни пяди чужой земли, посеял семена мира и дружбы и оставил в наследство дружеские связи и распространение традиций китайской цивилизации среди иноземцев [5].

В некоторых случаях вмешательство все же осуществлялось. В частности, в 1411—1412 гг. Чжэн Хэ осуществил замену правителя на Цейлоне, подобрав более лояльную в отношении империи Мин кандидатуру. В Палембанге на Суматре он перебил 5 тыс. пиратов, а их вождя, уроженца Гуанчжоу, доставил в Нанкин, где тот был обезглавлен [6, с. 204]. Но такие случаи были редки. Примечательно, что император Чжу Ди помиловал сингальского царя Алакешвару, смещенного Чжэн Хэ за отказ подарить правителю империи Мин ценные буддистские реликвии. Помилование было объяснено тем, что царь проявил нелояльность из-за невежества, а не из-за злого умысла [6, с. 204].

Не менее важным элементом демонстрации мощи и культуры империи являлось строительство храмов и установка стел в районе реки Амур. Эти объекты также были призваны прославлять власть китайских императоров на отдаленных северных территориях. В частности, на стеле, установленной в 1413 г. на Тырском утесе в низовьях Амура, было написано: «На всем пространстве, покрываемом небом, носимом землей, освещаемом солнцем и луной, покрываемом инеем и росой, среди всех, у кого [в жилах течет] кровь и кто дышит, нет таких, кто не испытывал бы благоговения и почтения [к правителю]» [4, с. 145]. На практике же китайские правители удовлетворялись формальным выражением своих властных полномочий и не вмешивались в дела «северных варваров», позволяя им сохранять прежний образ жизни [4, с. 140]. Аналогичным образом поступали они и в отношении южных народов в провинциях Юньнань и Гуйчжоу [6, с. 202].

Впрочем, в некоторых случаях правители династии Мин все же применяли вооруженную силу. В 1407 г. император Чжу Ди направил во Вьетнам 200-тысячную армию для свержения там правящей династии, которую он объявил «узурпаторской» [6, с. 202]. В 1590-х гг. китайские войска помогали корейцам бороться с японцами [6, с. 247]. Использование войск объяснялось необходимостью поддерживать «гармонию» и обязанностью проявлять «отеческую заботу» в отношении «вассалов».

В соответствии с конфуцианскими канонами правители династии Мин, как и их предшественники, уделяли большое внимание церемониалу приема зарубежных посольств и получения «дани» (в ряде случаев под данью подразумевались чисто торговые операции). В 1380 г. был учрежден Департамент послов (Синжэньсы), служащим которого в 1386 г. было даровано звание чиновников [1, с. 471]. С 1394 г. занять должность руководителя этого ведомства можно было только после прохождения через экзаменационную комиссию. Сбором «дани» занималось Ведомство ритуалов, обрядов и церемоний (Либу). Его состав пополняли учащиеся из Государственного училища (Гоцзыцзянь), которых обучали устному и письменному переводу с иностранных языков для приема иностранных послов и изучения их посланий [1, с. 506]. В 1407 г. в столице империи были открыты гостиницы для приема иностранцев. Также во время правления династии Мин была доведена до совершенства система взимания дани [7, с. 37; 8, с. 203]. В частности, для разных стран были установлены различные сроки даннических выплат [9, с. 84].

Как правило, Минский двор вознаграждал иностранцев, которые прибывали с дарами, причем стоимость подарков императора могла в несколько раз превышать стоимость принесенной «дани». Вознаграждались даже иностранцы, прибывавшие без «дани». Тем самым минские правители демонстрировали свои добрые намерения в отношении стран, из которых прибывали зарубежные гости. Китайские власти не только компенсировали все расходы послов, но и организовывали банкет в честь их приезда, а также предоставляли им ряд льгот и налоговых послаблений [10, с. 32]. Обмен «данью» и ответными подарками был направлен на привлечение «заморских гостей» в Китай. Как и организация морских экспедиций, он предполагал не получение экономической выгоды, а повышение престижа императорской власти в глазах собственных подданных [1, с. 505].

Важным элементом являлась церемония приема послов, в ходе которой демонстрировалось превосходство правителей династии Мин, над зарубежными монархами. Той же цели служило и требование о предоставлении письменных посланий от иностранных правителей, которым при переводе на китайский язык придавалась форма обращения «низшего подчиненного» к «господину», т.е. китайскому императору [1, с. 507]. Интересной деталью китайского дипломатического протокола в конце XIV в. являлось требование использовать китайское летоисчисление в официальных документах, поступавших из-за пределов Поднебесной [1, с. 469].

Церемония приема послов соответствовала древней китайской традиции, согласно которой Китай выступал в роли «Поднебесной», «Срединного государства», возвышающегося над прочими государствами и народами, отнесенными к категории «варваров». Эту точку зрения разделяли не только правители империи Мин, но и ученые-неоконфуцианцы — Хуан Цзунси, Гу Яньву и Ван Фучжи.

Китайское культурное влияние, как и в прежние времена, распространялось на соседние государства. К примеру, в конце XV — начале XVI вв. по инициативе корейского лингвиста Чхве Сечжина на корейский язык стали переводиться классические конфуцианские произведения [11, с. 228]. В конце XVI в. переводы конфуцианцев на корейский язык осуществлялись на государственном уровне (этим занималась специальная Палата исправлений и сопоставлений (Кёчжончхон)) [11, с. 228]. В XVI в. в Корее было построено много конфуцианских храмов (более 100), статус который был уравнен со статусом буддистских храмов, построенных в прежние времена [12, с. 226]. Приверженцы конфуцианства оказывали существенное воздействие на политику корейского государства Чосон [12, с. 224—225].

Таким образом, после нескольких столетий зависимости от «северных варваров» Китай восстановил суверенитет и независимость и во время правления династии Мин достиг очевидных успехов в своем развитии, демонстрируя свое величие остальному миру. Однако проблема заключалась в том, что в качестве стратегического приоритета была избрана опора на традиции, а не на инновации. Как отмечал британский историк П. Кеннеди: «Во время «реставрации» весь огромный бюрократический аппарат был настроен на то, чтобы восстановить утраченное, а не создать более перспективное будущее, занявшись внешней экспансией и торговлей» [13, с. 34].

Конфуцианская идеология, положенная в основу государственного устройства империи Мин, не приветствовала захватнические войны и торговлю ради наживы. Следование конфуцианским канонам привело к осуществлению политики «самоизоляции», закрытия от европейских «варваров» (португальцев, испанцев, англичан и голландцев), начало которой было положено именно во времена правления династии Мин (хотя эта политика в период правления Мин осуществлялась непоследовательно, ограничительные меры чередовались с разрешительными [6, с. 241]). Восприятие других народов в качестве «варваров» и «данников» осложняло отношения китайской империи с монголами, маньчжурами и другими северными народами, а также с японцами. После 1435 г. прекратилось направление экспедиций в заморские края. Более того, чиновники-конфуцианцы уничтожили в архивах сведения о морских экспедициях Чжэн Хэ [6, с. 210]. Также конфуцианцы призывали не потакать «северным варварам» и не обменивать ценный чай на «ненужных» лошадей [6, с. 210]. Тем самым они провоцировали напряженность в отношениях империи Мин с кочевыми народами.

В XVII в. в империи Мин стали очевидными кризисные явления, сопровождаемые дезорганизацией аппарата государственной власти, ростом антиправительственных выступлений, технологической отсталостью и осложнением международного положения. После захвата маньчжурами Пекина в 1644 г. империя Мин прекратила существование.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. 5 / РАН, Ин-т востоковедения; редкол.: С. Л. Тихвинский (гл. ред.) [и др.]. — М.: Наука: Вост. лит., 2016. — 678 с.
2. Ловелл Дж. Великая китайская стена / Пер. с англ. А. Юрьева. — М.: АСТ, 2008. — 442 с.
3. Чжан Чжаоюй. Мин дай вэй цзао: и ши тун жэнь сянь лэ ци со = Дипломатия династии Мин: относитесь ко всем одинаково и выполняйте свои обязанности. / Чжан Чжаоюй, Ван Яцзе // Гуанмин жибао. — 18.12.2017 — URL: https://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2017-12/18/nw.D110000gmrb_20171218_4-14.htm (дата обращения: 16.08.2024) (на кит. яз.).
4. Головачёв, В. Ц. «Страна Нургань» и внешняя политика династии Мин в XIV — XV вв. / В. Ц. Головачёв // Общество и государство в Китае: материалы конф. Т. 42. Ч. 3. / Ин-т востоковедения РАН. — М., 2012. — С. 129—152.
5. Си Цзиньпин. Си цзинь пин цзян гу ши: чжун го жэнь минь бу цзэ шоу го цзян би ба дэ ло цзи = Си Цзиньпин рассказывает об истории: Китайский народ не принимает логику, согласно которой «сильная страна должна стремиться к гегемонии». / Си Цзиньпин // Жэньминь жибао. — 04.01.2018 — URL: <http://src.people.com.cn/n1/2018/0104/c64094-29744185.html> (дата обращения: 16.08.2024) (на кит. яз.).
6. Уваров, П. Ю. Китай в средневековом мире. Взгляд из всемирной истории / П. Ю. Уваров, А. Л. Рябинин. — СПб.: Наука, 2019. — 286 с.
7. Ли Юньцюань. Чао гун ши дэй дай дэ ли лун юань юань юй ши дай тэ чжэн = Теоретические истоки и характеристики времен системы дани / Ли Юньцюань // Чжун го бянь цзян ши ди янь цзю = Исследование по истории и географии границ Китая. — 2006. — № 3. — С. 37—42 (на кит. яз.).
8. Хэ Фанчуань. Хэ фан чуан цзао шоу ши сюэ лун вэн цзи = Сборник исторических очерков профессора Хэ Фанчуаня / Хэ Фанчуань. — Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 2007. — 466 с (на кит. яз.).
9. Чжао Миньцзянь. Мин чу чао гун мао и юй жу цзя сы сянь = Торговля данью и конфуцианство во времена ранней династии Мин / Чжао Миньцзянь // Чуаньшань. — 2006. — № 3. — С. 83—85 (на кит. яз.).
10. Ли Цзиньмин. Мин дай хай вай мао и ши = История внешней торговли во времена династии Мин / Ли Цзиньмин. — Пекин: Кит. печать социал. наук, 1990, — 225 с. (на кит. яз.).
11. Курбанов, С.О. История Кореи с древности до начала XXI века. — М.: Изд-во СПб. ун-та, 2018. — 744 с.
12. Ли Ги Бэк. История Кореи: новая трактовка. — М.: ТИД — Русское слово — РС, 2000. — 464 с.
13. Кеннеди, П. Взлеты и падения великих держав: экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. / П. Кеннеди. — Екатеринбург: Гонзо, 2018. — 848 с.